

Рамо Бин Ях

ПРОРЫВ

ЧЕРЕЗ

СУШУМНУ

Рамо Бин Ях

Прорыв через Сушумну

«Автор»

2026

Бин Ях Р.

Прорыв через Сушумну / Р. Бин Ях — «Автор», 2026

Николай — обычный парень из Сибири, чья многолетняя практика йоги приносит невероятные плоды. Нащупав внутреннюю энергетическую ось и сложив пальцы в мудру, он совершает свой первый прыжок в пространстве, мгновенно переместившись из дождливого Новосибирска в бурлящий неонем Токио. Но парень не знает, что каждый «дикий» переход оставляет глубокий шрам на ткани реальности. За этими следами уже охотится «Континуум» — могущественная корпорация «Архитекторов». С помощью нейросетей и экзоскелетов они вылавливают прыгунов по всему миру, выжигая их волю ради тотального контроля. От Алтая до индийского Ришикеша и небоскребов Майами Николай бежит и учится. Вместе с мудрым наставником Бабой Джи ему предстоит пройти по Лей-линиям планеты к сердцу Антарктиды. Там, под толщей льда, скрыто Центральное Ядро и оцифрованный разум первого прыгуна. Николаю придется сделать главный выбор: сохранить свой уникальный дар или пожертвовать им ради свободы человечества.

© Бин Ях Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Первый прыжок. Токио.	6
Дыхание Ганга. Ришикеш.	8
Стеклянный улей. Дубай.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Прорыв через Сушумну

Предисловие

Мы привыкли смотреть на древние восточные трактаты как на красивую философию, сборник метафор или в лучшем случае — как на способ поправить здоровье и обрести душевный покой. Нам кажется, что понятия вроде «прана», «Акаша» или «Сушумна» — это лишь поэтические образы, оставленные мудрецами прошлого, которые пытались объяснить устройство человеческого разума до изобретения томографов и нейросети. Но что, если древние тексты были не метафорой, а строгой инструкцией по эксплуатации человеческого тела и вселенной? Что, если законы физики, которые мы считаем незыблемыми, — это лишь интерфейс более глубокой, пластичной реальности, которой можно управлять с помощью чистой, сфокусированной воли? Роман «Прорыв через Сушумну» родился на стыке двух миров, которые на первый взгляд кажутся полярными. С одной стороны — тысячелетняя традиция хатха-йоги, исследующая внутренний космос человека, его энергетические каналы и скрытые сиддхи. С другой — холодный, прагматичный мир недалекого будущего, где правят транснациональные корпорации, алгоритмы искусственного интеллекта и технологии тотального контроля. Главный герой этой книги, Николай, не искал славы, богатства или суперспособностей. Он был обычным парнем из Сибири, который просто искал баланс в мире, раздираемом суетой и технологическим шумом. Но его упорство и дисциплина привели к тектоническому сдвигу: он нащупал ту самую невидимую ось между копчиком и макушкой, которая связывает человека с тканью самого пространства. Его первый прыжок из дождливого Новосибирска в залитый неонном Токио стал точкой невозврата не только для него, но и для всего мироустройства. Эта история — не просто фантастический боевик о телепортации. Это размышление о цене свободы и грузе ответственности. Каждый шаг Николая, каждый его восторженный прорыв сквозь пространство оставляет шрамы на теле планеты, превращая его из свободного искателя в мишень для могущественной структуры «Архитекторов». Вместе с героем и его мудрым наставником Бабой Джи читателю предстоит совершить захватывающее путешествие по Лей-линиям Земли — от священных, пахнущих благовониями берегов Ганга до ледяного ада Антарктиды, где технологии попытались окончательно поработить человеческий дух. Открывая эту книгу, приготовьтесь к тому, что привычные границы пространства и времени начнут размываться. Сделайте глубокий вдох. Вытяните позвоночник. Сложите пальцы в мудру. Наша Сушумна чиста, и впереди — весь мир. Приятного чтения.

Первый прыжок. Токио.

Осенний Новосибирск за окном задыхался от серого мелкого дождя. В съемной однокомнатной квартире Николая пахло сандалом и сухими травами. Парень сидел на жестком коврике, скрестив ноги в идеальной Падмасане — позе лотоса. Его колени плотно прижимались к полу, а позвоночник был прямым, словно натянутая струна. Долгие годы ежедневных практик приучили его тело к дисциплине, но последние недели принесли нечто новое. Странный зуд на границе сознания. Николай закрыл глаза и сделал глубокий вдох, растягивая его на восемь секунд. Выдох — еще длиннее. Уличный шум, гул старого холодильника и капли дождя, бьющие по стеклу, начали отдаляться, превращаясь в белый шум. Он соединил пальцы на обеих руках, формируя Хакыни-мудру, но в последний момент пальцы сами собой переплелись в сложный, незнакомый замок — три пальца прижаты, мизинцы смотрят вверх, большие перекрещены. Как только замок замкнулся, в теле возникло электрическое напряжение. Николай сосредоточился на двух точках: Копчик (Муладхара) — там заворочалось глухое, тяжелое тепло, похожее на расплавленный свинец. Макушка (Сахасрара) — там, напротив, возникло ощущение ледяного сквозняка, будто потолок комнаты исчез и над головой открылся открытый космос. Между этими точками натянулась струна. Парень мысленно направил внимание в этот внутренний стержень. Сознание качнулось. Пространство вокруг него стало жидким. «Пора», — подумал он. Николай не хотел мелочиться. Если это сработает, то масштаб должен быть максимальным. Он вызвал в памяти образ, который изучал последние три дня по панорамам карт и видеороликам: перекресток Сибуя в Токио. Огромные неоновые экраны, море зонтов под дождем, стеклянные фасады и бесконечный поток людей. Он зацепился сознанием за конкретную точку — тихий переулок за зданием «109», скрытый от камер и толпы. На секунду он четко представил запах влажного асфальта, смесь дорогого парфюма и азиатского фастфуда. Ток между копчиком и макушкой превратился в яростный вихрь. Сложился ментальный щелчок. Николай почувствовал, как его буквально выворачивает наизнанку через собственное темя, втягивая в бесконечно малую точку. Секунда абсолютной тишины и невесомости. Воздух вокруг него взорвался со звуком лопнувшего воздушного шара. Николай резко вдохнул и открыл глаза. Вместо тихой новосибирской квартиры он сидел на грязном асфальте в узком, зажатом между высотками проходе. Стены были облеплены кричащими японскими иероглифами и кабелями. Пахло сыростью, жареной лапшой и выхлопными газами. Прямо над головой мигала неоновая вывеска караоке-бара. В тридцати метрах впереди редела и гудела тысячная толпа — перекресток Сибуя. Его тело била мелкая дрожь. Мудра сама собой расцепилась, пальцы затекли. Николай попытался встать, но ноги после Падмасаны и колоссального выброса энергии подчинились не сразу. Он оперся о кирпичную стену, тяжело дыша. Он сделал это. Он действительно переместился на тысячи километров за долю секунды, используя лишь собственное тело и разум. Николай вышел из переулочка и сразу растворился в толпе людей под разноцветными зонтами. На него никто не обратил внимания — в Токио одинокий парень в спортивных штанах для йоги и легкой толстовке, удивленно смотрящий на экраны, выглядел просто как эксцентричный турист. Николай шел мимо ярких витрин, слушал чужую речь и чувствовал, как внутри закипает дикий, пьянящий восторг. Однако, когда он решил зайти в небольшую лавку, чтобы купить воды, в кармане не оказалось ни одной иены. Только российская банковская карта и загранпаспорт, который он, к счастью, догадался взять с собой. Но главное было не это. Обернувшись, Николай заметил на противоположной стороне улицы человека в строгом сером пальто. Тот не смотрел на витрины и не спешил на работу. Он смотрел прямо на Николая, держа в руке странный мигающий прибор, похожий на счетчик Гейгера. Николай понял: его первый прыжок оставил в пространстве слишком заметный след.

Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок, никак не связанный с токийским дождем. Человек в сером пальто сделал шаг вперед, не отрывая взгляда от мигающего прибора. Мужчина двигался удивительно плавно и быстро для такой плотной толпы. Николай резко развернулся и бросился в гущу людей на перекрестке Сибуя. Он лавировал между сотнями зонтов, краем глаза замечая свое отражение в зеркальных стенах магазинов — бледное лицо, растрепанные волосы, дикий взгляд. Планшеты и неоновые вывески Токио смазались в сплошные светящиеся полосы. «Нужно уходить. Прямо сейчас», — колотилась в голове одна мысль. Но для прыжка ему нужны были три вещи: неподвижность, поза лотоса и абсолютная концентрация. В бурлящем человеческом океане Сибуи сесть на асфальт и закрыть глаза было равносильно самоубийству — его либо растопчут, либо схватит полиция, либо настигнет преследователь. Николай нырнул в подземный переход станции метро. Поток людей подхватил его. Он бежал по указателям, ища укромное место, пока не наткнулся на длинный коридор с автоматическими камерами хранения и общественными туалетами. Ввалившись в крайнюю кабинку туалета, он запер дверь на защелку. Здесь было тесно и пахло чистящими средствами. Николай тяжело дышал, сердце стучало в ушах как сумасшедший барабан. Серый человек мог войти сюда в любую секунду. Снаружи уже слышались тяжелые, размеренные шаги. Наружная дверь в туалет скрипнула. Времени на долгую медитацию не было. Николай запрыгнул прямо на крышку унитаза, поджал ноги и с трудом, преодолевая боль в затекших мышцах, скрутил их в Падмасану. Пальцы судорожно сплелись в ту самую сложную мудру. — Выдох... вдох... — прошептал он, пытаясь унять дрожь. Он направил остатки внимания на ось тела. Копчик — макушка. Энергетическая струна внутри была натянута до предела и болезненно вибрировала после первого прыжка. Казалось, еще один рывок — и она просто лопнет, разорвав его разум. За дверью кабинки кто-то остановился. Николай увидел тень от чужих туфель в щели под дверью. Раздался тихий, электронный писк прибора. Преследователь знал, что он здесь. На ручку кабинки легла чужая ладонь и уверенно дернула ее на себя. Защелка жалобно скрипнула. Николаю нужен был образ. Любой, лишь бы подальше отсюда. Родной Новосибирск? Нет, туда вернуться в первую очередь, если его ищут. Нужна была глушь. Место, где он уже бывал и помнил каждый сантиметр. «Алтай. Актру. Альплагерь», — вспыхнуло в голове. Он вспомнил ледяной, обжигающий воздух на высоте двух тысяч метров. Вспомнил белизну векового ледника, серые острые скалы и оглушительную тишину гор, где нет ни сотовой связи, ни электронных приборов, ни людей в серых пальто. Он воочию представил деревянный настил возле старой метеостанции, где два года назад разбивал палатку. Дверь кабинки с треском поддалась, выламывая замок. В проеме показался силуэт мужчины в пальто, его рука тянулась к Николаю. В этот же миг Николай замкнул контур сознания. Ток между копчиком и макушкой вспыхнул ослепительно-белым светом. Пространство со свистом схлопнулось. Бах! Вместо грохота выламываемой двери и писка детектора в уши ударила абсолютная, звенящая тишина. Николай упал плашмя на спину. Вместо пластиковой крышки унитаза под ним были твердые, покрытые инеем деревянные доски. Он открыл глаза и зажмурился от резкого, кристально чистого горного солнца. Над ним простиралось пронзительно-синее, без единого облака небо Алтая. Вокруг высились заснеженные вершины Курайского хребта. Он лежал на настиле у заброшенной метеостанции Актру. Вокруг не было ни души на километры вперед. Температура была около нуля, и Николая тут же затрясло от пронизывающего горного ветра — ведь он был в одной легкой толстовке. Но он был свободен. И теперь он точно знал: его дар — это не просто чудо, это начало опасной охоты, в которой он пока не знает правил.

Дыхание Ганга. Ришикеш.

Холод Алтайских гор едва не стоил Николаю жизни. Проведя на пронизывающем ветру у ледника Актру не более десяти минут, он перестал чувствовать пальцы рук. Кожа покрылась гусиной кожей, а зубы выбивали бешеную дробь. Он понимал: если сейчас же не улетит, то просто замерзнет насмерть прямо на этом деревянном настиле. С трудом, преодолевая судороги в мышцах, Николай снова скрестил ноги. Пальцы едва слушались, когда он сплетал их в сложную мудру. Внутренний канал Сушумна, связывающий копчик и макушку, отозвался глухой, ноющей болью — пространство сопротивлялось столь частым перемещениям. Но выбора не было. Николай закрыл глаза и ментально потянулся туда, где сейчас было тепло. К истокам своего увлечения. К месту, о котором грезит каждый практикующий йог — в Ришикеш. Он вспомнил сотни фотографий из интернета: священный Ганг, подвесной мост Лакшман Джула, оранжевые одежды садху, запах гвоздики, благовоний и коровьего навоза. Он представил крышу старого ашрама на закате, залитую мягким солнечным светом. Ток внутри тела вспыхнул из последних сил. Пространство со свистом разорвалось. Николай рухнул вперед, выставив руки. Вместо обжигающего льда ладони погрузились в теплую, мелкодисперсную серую пыль. В нос ударил концентрированный, душный запах специй, речной сырости, жареных лепешек и дыма от ритуальных костров. Он сидел на плоской крыше невысокого бетонного здания. Небо над головой было окрашено в нежно-розовые и золотистые тона уходящего индийского дня. Внизу, перекрывая все звуки, раздавался разноголосый гул: библиканье мопедов, крики торговцев, мычание священных коров и монотонное пение мантр, доносившееся из сотен колонок вдоль реки. Николай расцепил пальцы и лег на спину. Нагретый за день бетон крыши приятно обжигал его замерзшее тело. Воздух Индии, плотный и теплый, как парное молоко, укутывал его, возвращая к жизни замерзшие конечности. Он выжил. И, кажется, оторвался. Вряд ли прибор серого человека в Токио мог засечь прыжок через половину земного шара в глухие горы, а оттуда — в предгорья Гималаев. Спустя полчаса Николай поднялся. Одежда изголодавшегося по теплу сибиряка — спортивные штаны и толстовка — здесь выглядела вполне повседневно, многие европейские туристы одевались похожим образом. На крыше никого не было, а вниз вела крутая винтовая лестница. Николай спустился и оказался на узкой, хаотичной улочке Ришикеша, бурлящей жизнью. Мимо проносились тук-туки, торговцы предлагали жареные орехи и бусы из рудракши. Но радоваться было рано: у него по-прежнему не было ни рупий, ни еды, а безумное истощение после трех прыжков подряд давало о себе знать — колени подкашивались, в глазах темнело от голода. Он побрел вдоль набережной Ганга, надеясь найти бесплатную столовую при каком-нибудь ашраме. Великая река катила свои зеленоватые, мощные воды совсем рядом. Николай остановился у каменных ступеней — гхатов, ведущих к воде. Там, у самого края реки, сидел пожилой йог. Его тело было покрыто священным пеплом, длинные седые волосы спутаны в дреды, а набедренная повязка слепила белизной. Старик сидел в безупречной позе лотоса. Его глаза были закрыты. Но когда Николай подошел ближе, садху медленно открыл глаза. Они были удивительно молодыми, глубокими и пронзительными. Старик посмотрел не на лицо Николая. Он опустил взгляд на его руки, которые парень все еще машинально держал прижатыми к бокам, а затем поднял глаза, пристально изучая макушку Николая. — Акаша-гамана... — негромко, на санскрите произнес старик, и на его лице появилась едва заметная мудрая улыбка. — Ты летаешь по эфиру, мальчик. Но твоя Сушумна горит. Еще один поспешный шаг — и ты превратишься в пепел. Николай замер. Этот незнакомый индийский старик с первого взгляда понял то, до чего сам Николай доходил годами интуитивных практик. — Вы... вы знаете, что я делаю? — осипшим голосом спросил Николай по-английски. Садху кивнул на каменные ступени рядом с собой, приглашая сесть. — То, что ты открыл в себе — древ-

ний сиддхи. Мистическое совершенство. Но ты пользуешься им как слепой младенец, который нашел факел в пороховом погребе. И те, кто ищут тебя... они видят не тебя. Они видят шрамы, которые ты оставляешь на ткани пространства. У Николая перехватило дыхание. Значит, серый человек в Токио действительно выслеживал его по «шрамам» в воздухе.

Николай не успел ответить. Старик вдруг резко перевел взгляд за плечо парня, и его мудрые, спокойные глаза мгновенно сузились. Улыбка исчезла с лица садху. — Они быстрее, чем я думал, — тихо произнес он, поднимаясь со своего места с удивительной для его возраста легкостью. — Пространство еще не успело затянуться. Николай обернулся. По каменным ступеням гхата к ним спускались двое. На них не было серых пальто — в индийской жаре это выглядело бы слишком подозрительно. Они были одеты как обычные европейские бэкпекеры: легкие льняные рубашки, шорты, солнцезащитные очки. Но их выдавала военная выправка, ледяные лица и то, как цепко они сканировали толпу. В руке одного из них Николай заметил уже знакомый продолговатый прибор, замаскированный под дорогой смартфон. На его экране бешено пульсировала неоновая-синяя точка. — Иди за мной. Не оборачивайся и не пытайся прыгать, иначе они выжгут твой разум прямо в момент перехода, — скомандовал старик, подхватывая свой деревянный посох. Они нырнули в лабиринт узких торговых рядов, расположенных прямо за набережной. Садху, которого, как выяснилось на ходу, звали Баба Джи, двигался сквозь хаос Ришикеша как рыба в воде. Он лавировал между коровами, лоточниками с фруктами и группами паломников с такой скоростью, что Николай едва поспевал за ним. — Кто они такие?! — тяжело дыша, спросил Николай, когда они на секунду замерли под навесом лавки, торгующей специями. Концентрированный запах карри и ментола забивал легкие. — Хранители Континуума, — коротко бросил Баба Джи, высматривая преследователей в толпе. — Международная теневая организация. Они называют себя «Архитекторами». Их цель — вылавливать таких, как ты, и забирать их силу. Или уничтожать, если те не поддаются контролю. Каждый твой прыжок для них — как сигнальная ракета в ночном небе. Обернувшись, Николай похолодел. Двое в льняных рубашках уверенно пробивались сквозь толпу, безошибочно следуя по их маршруту. Прибор в руках одного из них теперь не просто мигал, а издавал тонкий, едва слышный ультразвуковой писк, от которого у Николая занули зубы. Расстояние между ними стремительно сокращалось. — Сюда! — Баба Джи толкнул Николая в темный, неприметный проход между двумя бетонными ашрамами. Они оказались на заднем дворе, заваленном старыми досками и ржавыми деталями от тук-туков. Тупик. Впереди высилась глухая трехметровая стена, за которой шумел Ганг. Назад пути не было — из прохода уже показались силуэты преследователей. Один из них медленно опустил руку в карман, и Николай заметил металлический блеск оружия, совсем не похожего на обычный пистолет. — Слушай меня внимательно, мальчик, — Баба Джи резко развернулся к Николаю и сжал его плечи своими сухими, крепкими пальцами. — Твоя Сушумна истощена, но у нас нет выбора. Ты должен перенести нас обоих. — Но я... я никогда не перемещал никого, кроме себя! — в панике воскликнул Николай. — И я не знаю, как скрыть след! — Я замкну твой контур и заблокирую выброс энергии. Твоя задача — только держать образ. Четко, без сомнений. Куда? Николай судорожно соображал. Токио — запятнан. Алтай — слишком холодно, старик там просто погибнет. Новосибирск — под ударом. Нужно место, где тепло, где много людей и где можно мгновенно затеряться, сменив одежду. Место, противоположное духовной Индии. «Дубай», — вспыхнуло в голове. Мегapolis из стекла и бетона, вечное лето и миллионы туристов со всего мира. Он вспомнил знаменитые башни-небоскребы и огромные торговые центры. Преследователи сделали последний шаг, выходя во двор. Мужчина поднял странное оружие с широким раструбом. — Садись! Быстро! — крикнул Баба Джи. Николай рухнул на грязную землю прямо в позу лотоса. Его пальцы сплелись в мудру автоматически. Старик мгновенно сел позади него, скрестив ноги, и с силой прижал свои ладони к спине Николая — одну в районе копчика, вторую чуть ниже шеи. В ту

же секунду Николай почувствовал, как по его позвоночнику вместо привычного хаотичного огня разлилась ледяная, кристально чистая и абсолютно управляемая энергия старика. Боль в Сушумне утихла. Внутренний канал превратился в жесткую, бронированную трубку. «Дубай. Торговый центр Dubai Mall. Зона фонтанов», — мысленно приказал себе Николай, вызывая в памяти картинку колоссального искусственного водопада с фигурами ныряльщиков. Мужчина в льняной рубашке нажал на спуск оружия. В их сторону беззвучно метнулась волна искаженного, дрожащего воздуха. Но за долю секунды до того, как она достигла цели, Баба Джи глухо выдохнул древнюю мантру. Пространство вокруг них не взорвалось, как в Токио. Оно мягко и абсолютно беззвучно свернулось внутрь, словно захлопнувшаяся книга. Двор опустел. Волна искажения ударила в пустую кирпичную стену, выбив из нее фонтан каменной крошки. Преследователи остановились. Высокий мужчина опустил оружие и посмотрел на экран своего детектора. Экран был абсолютно чист. Поисковый алгоритм потерял след.

Стеклянный улей. Дубай.

Парный прыжок через океан ощущался совершенно иначе. Николая не выворачивало наизнанку. Благодаря ледяному контролю Бабы Джи, переход напомнил погружение в глубокий, абсолютно тихий омут. Секунда — и они стояли на ногах. Оглушительный рев индийской улицы сменился мягким, прохладным гулом сотен кондиционеров и мерным шумом падающей воды. Николай открыл глаза. Они находились в огромном, залитом светом многоуровневом пространстве Dubai Mall, прямо у знаменитого крытого водопада с летящими человеческими фигурами. Вокруг прогуливались сотни туристов: эксцентричные блогеры, шейхи в белоснежных кандурах и европейцы в брендах класса люкс. И посреди этого ультрасовременного рая стояли они: Николай в пыльной, заляпанной толстовке и Баба Джи — абсолютно босой, покрытый священным пеплом, в одной лишь набедренной повязке и с деревянным посохом в руке. Люди вокруг начали оборачиваться. Несколько туристов тут же достали телефоны, снимая колоритного «персонажа». — Нам нужно уходить. Срочно, — прошептал Николай, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Здесь везде камеры. Он поднял глаза на потолок и похолодел. На черных металлических балках через каждые пять метров висели купольные камеры наблюдения. Николай не знал, что в Дубае развернута одна из самых передовых в мире систем общегородской безопасности «Оуооп», работающая на базе искусственного интеллекта. ИИ мгновенно фиксировал любые аномалии в поведении и внешнем виде людей. Буквально через тридцать секунд после их появления на экранах в центральном ситуационном пункте Дубая загорелся красный маркер. Нейросеть идентифицировала Бабу Джи как «лицо без документов в ненадлежащем виде», а Николая — как его спутника. Но что еще хуже, алгоритмы «Архитекторов», интегрированные в государственные системы безопасности по всему миру, тут же перехватили этот алерт. Камеры по всему молу начали синхронно разворачиваться вслед за движением Николая. — Баба Джи, за мной! — Николай схватил старика за плечо и увлек в сторону массивных стеклянных дверей, ведущих на подземную парковку. Они петляли между рядами премиальных суперкаров. Старик шел спокойно, его босые ноги беззвучно ступали по идеальному наливному полу паркинга. — Спокойствие, мальчик, — негромко произнес садху. — Страх сужает твоё сознание, делая твою ауру яркой, как лесной пожар. Нас ищет машина. Ей чужды эмоции, она ищет закономерности. Нам просто нужно изменить картинку, которую она видит. Здесь, в этом городе, у меня есть старый должник. Его зовут Тарик аль-Мансури. Он коллекционирует то, что обычные люди называют сказками. Нам нужно добраться до его дома. — И как мы это сделаем? — Николай оглянулся. Из лифтового холла на парковку уже бежали трое сотрудников службы безопасности мола в строгой темной форме. В руках у них были рации. Они явно координировали свои действия с кем-то по ту сторону экрана. — Нас перехватят на выезде! — Сначала одежда, — Баба Джи указал посохом на припаркованный неподалеку большой черный минивэн с тонированными стеклами. Дверь багажника была приоткрыта — водитель-пакистанец как раз разгружал фирменные пакеты из бутиков для своих хозяев. Николай сориентировался мгновенно. Пока водитель отвернулся, парень бесшумно скользнул к багажнику и выудил оттуда огромный пакет с логотипом дорогого бренда одежды в стиле кэжуал. Внутри оказались широкие льняные брюки, пара свободных рубашек-оверсайз и даже солнцезащитные очки с бейсболкой. Спрятавшись за бетонной колонной, они совершили экстренное перевоплощение. Баба Джи, завернутый в качественный европейский лен, с бейсболкой, натянутой на седые дреды, теперь выглядел как эксцентричный пожилой миллионер на отдыхе. Его посох Николай хитро спрятал в свернутый коврик для йоги, который они прихватили из той же машины. Они вышли к зоне посадки такси. Но как только Николай протянул руку к ручке первой подъехавшей машины, динамики на парковке коротко пискнули, и робо-

тизированный голос системы безопасности объявил на английском: «Внимание, сектор В-4 изолирован до прибытия полиции. Всем оставаться на своих местах». Стеклопленочные ворота на выезде с парковки начали медленно опускаться. Камеры ИИ вычислили их даже в новой одежде по биометрии — походке и пропорциям тела. — Прыгать нельзя, вокруг слишком много электроники, — быстро сказал Баба Джи, заметив, что Николай снова потянулся сложить мудру. — Если прыгнешь здесь, ИИ зафиксирует точные координаты электромагнитного всплеска. Нам нужно прорваться наружу. В этот момент прямо перед ними с оглушительным ревом резины затормозил бронированный внедорожник Mercedes-AMG G-63 матового черного цвета. Заднее стекло плавно опустилось. В полумраке салона сидел подтянутый араб лет сорока в дорожном костюме, с аккуратной бородкой и четками из черного нефрита в руках. — Баба Джи? — удивленно произнес он на чистом английском, глядя на старика в дизайнерской рубашке. — Мои системы мониторинга перехватили взлом закрытых протоколов полиции Дубая. Я понял, что это можете быть только вы. Живее в машину, пока «Архитекторы» не прислали сюда свои штурмовые группы. Это был Тарик аль-Мансури. Николай и Баба Джи запрыгнули на кожаные сиденья внедорожника. Тяжелая дверь захлопнулась с глухим оружейным щелчком. Тарик нажал на газ, и тяжелая машина, легко смяв пластиковый шлагбаум служебного выезда, на полной скорости вылетела под палящее солнце Дубая, растворяясь в многополосном потоке шоссе шейха Зайда. — Ты сильно рискуешь, Тарик, — спокойно сказал Баба Джи, снимая бейсболку. — Я отдаю долги, учитель, — ответил араб, глядя в зеркало заднего вида на Николая. — К тому же, увидеть живую того, кто сумел совершить три межконтинентальных прыжка за одни сутки без стабилизирующего костюма... Это стоит любого риска. Добро пожаловать в игру, Николай. Твоя голова сейчас стоит дороже, чем весь этот город.

— Мы едем ко мне, на Пальму, — коротко бросил Тарик, плавно перестраивая мощный внедорожник между рядами. — Мой дом полностью экранирован от внешнего сканирования. Там вас не найдут ни спутники, ни городские Нейросети ИИ. Машина свернула с оживленного шоссе Шейха Зайда и направилась к огромному искусственному острову в форме пальмы. Миновав автоматические ворота закрытого охраняемого комплекса на одной из «ветвей», Mercedes заехал на подземную парковку роскошной виллы, окна которой выходили прямо на Персидский залив. Как только тяжелые ворота гаража закрылись, Николай почувствовал, как в ушах слегка заложило — сработали глушилки частот. — Выходите, здесь безопасно, — Тарик приложил ладонь к биометрическому замку скрытой в стене двери. Вместо жилых комнат виллы они спустились еще на один уровень вниз, оказавшись в огромном технологичном бункере. Николай ожидал увидеть здесь восточную роскошь, но попал в ультрасовременную лабораторию. Повсюду стояли серверные стойки, мерцали мониторы с графиками энергетических колебаний, а в центре зала, на специальном пьедестале, под прозрачным бронированным куполом висел странный костюм. Он выглядел как облегающий матовый комбинезон из углеволокна, пронизанный тысячами тончайших золотых нитей, сходящихся к массивному металлическому кольцу на спине. — Красиво, правда? — Тарик подошел к куполу. — Это то, что «Архитекторы» называют стабилизирующим экзоскелетом. По сути — это искусственная Сушумна. Большинство тех, кого они смогли поймать или завербовать, не обладают твоим врожденным талантом, Николай. Их тела разрушаются от пространственных перегрузок. Этот костюм берет на себя девяносто процентов давления и, что самое главное, сжимает шлейф энергии, чтобы прыгуна нельзя было засечь по электромагнитному следу. Николай подошел ближе, разглядывая золотые нити. Сами узоры на ткани до боли напоминали ему расположение энергетических каналов — нади — из древних трактатов по хатха-йоге, которые он изучал в Сибири. — Они скопировали геометрию человеческого духа и превратили ее в железо, — тихо и с явным неодобрением произнес Баба Джи, садясь прямо на металлический пол бункера в привычную позу лотоса. — Машины пытаются повторить то, что под силу живому сознанию. —

Возможно, учитель, — повернулся к нему Тарик. — Но эта «машина» позволяет им перемещать штурмовые группы в любую точку планеты за секунды. Николай, посмотри на этот экран. Тарик вывел на центральный монитор трехмерную карту Земли. На ней, словно светящиеся капилляры, пульсировали сотни линий. Некоторые из них были тонкими и едва заметными, другие — толстыми, как магистральные артерии. — Это геомагнитная сеть планеты — Лей-линии. Древние знали их как тропы богов. Ты, сам того не зная, используешь их как рельсы для своих прыжков. Токио, Алтай, Ришкеш, Дубай... — Тарик нажал кнопку, и на карте загорелись четыре точки, соединенные ломаной линией. — Твой первый прыжок в Токио был настолько мощным и грязным, что «Архитекторы» сразу поняли: появился дикий, необученный прыгун колоссальной силы. За такими они охотятся по всему миру. Если они схватят тебя, они либо заставят тебя носить этот костюм и выполнять их приказы, либо вскрыют твой мозг, чтобы понять, как твоя Сахасрара выдерживает такие нагрузки без технических стимуляторов. Николай почувствовал, как к горлу подступает ком. Все это время он думал, что просто открыл в себе удивительную способность, а оказался между молотом и наковальней в тайной войне, о существовании которой обычные люди даже не догадывались. — Что мне делать? — Николай посмотрел на свои ладони, пальцы которых все еще слегка подрагивали после парного перехода. — Учиться, — Баба Джи открыл глаза. — Тарик даст нам убежище на несколько дней. Я научу тебя запечатывать свои прыжки изнутри, чтобы никакие приборы ИИ не могли увидеть твой след. Ты научишься стирать свои шрамы в пространстве прямо в момент перехода. Но для этого тебе придется перестроить все свое представление о йоге. Тарик подошел к панели управления и нажал несколько клавиш. Один из экранов переключился на внешние камеры виллы. На подъездной дорожке у главных ворот комплекса бесшумно затормозили два черных тонированных фургона без номеров. Из них начали выходить люди в тяжелой экипировке и с уже знакомым Николаю оружием с широкими раструбами. — Проклятье... — выдохнул Тарик, его лицо мгновенно побледнело. — Мои глушилки должны были скрыть нас. Они как-то отследили биометрический след моей машины через городские спутники. Они штурмуют периметр. — У нас нет нескольких дней, учитель, — Николай отступил на шаг назад, чувствуя, как адреналин снова выжигает усталость. — Придется учиться прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.